

УДК 159.9.072

DOI <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.53>

Современное состояние проблемы измерения интернет-зависимого поведения

А. П. Карабанов, Д. М. Шарковский

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Аннотация. Представлен первый теоретический этап создания методики измерения интернет-зависимого поведения. Поднимается вопрос измерения интернет-зависимого поведения, рассматриваются общепринятые подходы к пониманию интернет-зависимости и основные оценочные критерии данного расстройства. Сравниваются наиболее популярные методики оценки интернет-зависимости, и делается вывод об их недостаточной эффективности. Приводится краткий содержательный анализ наиболее распространенной методики оценки интернет-зависимости, в результате которого делается заключение об анахронизации понятий и поведенческих проявлений, использованных для оценки расстройства. Обсуждаются перспективы создания новой методики оценки интернет-зависимого поведения на основе двухфакторной модели Р. А. Davis. Предлагаются критерии интернет-зависимого поведения с учетом специфики современного интернет-пользования и основных видов активности в сети интернет.

Ключевые слова: интернет-зависимость, интернет, аддикция.

Для цитирования: Карабанов А. П., Шарковский Д. М. Современное состояние проблемы измерения интернет-зависимого поведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 26. С. 53–62. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.53>

Введение

На сегодняшний день интернет-зависимость – новый и малоизученный феномен. Данный вид зависимости не является официально признанным, однако с учетом связываемых с ним негативных эффектов и активного обсуждения в научном сообществе это, скорее, вопрос времени. К примеру, в январе 2018 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально признала зависимость от видеоигр, включив ее в 11-е издание Международной классификации болезней. В частности, приводятся следующие диагностические критерии: 1) ослабленный контроль игрового поведения (в том числе частоты, длительности, контекста и др.), 2) возрастающая приоритетность игрового поведения, в результате чего оно начинает преобладать над иными видами активности, 3) продолжение занятий видеоиграми, несмотря на негативные последствия [ICD-11, 2018]. При ближайшем рассмотрении диагностические критерии для игровой зависимости (*gaming disorder*) практически не отличаются от тех, которые были предложены для диагностики зависимости от азартных игр (*gambling disorder*), также в обоих случаях вы-

деляется офлайн- и онлайн-варианты данных расстройств. Последний предполагает игровое поведение, осуществляемое посредством сети интернет.

В англоязычных источниках проблема интернет-зависимости связывается с компульсивным, или проблемным, использованием интернета (Compulsive/Problematic internet use – CIU/PIU) и, как отмечает С. Gregory [Gregory, 2018], по оценкам исследователей, затрагивает до 8,2 % населения Америки и Европы. Одной из проблем, связанных с определением и признанием интернет-зависимости, является отсутствие четких диагностических критериев и методов изучения, многообразие симптоматики, а также культурные особенности.

Измерение интернет-зависимого поведения

Сложность разработки надежных диагностических критериев в первую очередь связана с широтой поведенческих проявлений интернет-зависимого поведения, а также их модификацией вследствие постоянно растущих темпов развития интернет-сервисов, к которым современный человек вынужден адаптироваться. Современный интернет предлагает множество возможностей для оптимизации различных сфер деятельности человека, начиная с развлечений, общения и совершения покупок и заканчивая самообразованием, получением финансовой прибыли. С другой стороны, излишняя вовлеченность может приводить к снижению компетентности человека в реальной жизни, способствуя его социальной и психологической дезадаптации.

В частности, С. Gregory [Gregory, 2018] выделяет ряд проявлений интернет-зависимости: снижение настроения, нечестность, чувство вины, тревожность, чувство эйфории при использовании компьютера, неспособность расставлять приоритеты и придерживаться планов, изоляция, потеря ощущения времени, оборонительное поведение, избегание работы, ажитация, колебания настроения, страх, одиночество, прокрастинация, чувство скуки по отношению к рутинным занятиям; бессонница, боли в спине и шее, головные боли, синдром запястного канала, пренебрежение питанием и личной гигиеной, проблемы со зрением, потеря или набор веса. Помимо этого, свидетельствовать об интернет-зависимости могут проблемы в личных отношениях и семье, неприятности на работе или учебе, финансовые проблемы, попытки скрывать количество времени, проведенного в интернете, а также специфические поведенческие феномены, например создание фейковых личностей и др.

Однако большая часть перечисленных проявлений интернет-зависимого поведения не может считаться специфическими показателями интернет-зависимости и может свидетельствовать о существующей дезадаптации иного характера, причинной по отношению к этим проявлениям. Более того, они не позволяют дифференцировать интернет-зависимых от людей, для которых работа в интернете является основным видом заработка, студентов, а также тех, кто использует интернет для выполнения повседневных задач и досуга (чтение книг, новостей, просмотр фильмов, прослушивание музыки, деловая и личная переписка и т. п.), поскольку традиционные средства отошли на второй план.

Для современного человека потребление интернет-продуктов и значительные временные затраты на пользование интернетом являются нормативными, поэтому многие из традиционных критериев, предлагаемых для диагностики аддикций, могут оказаться несостоятельны. К примеру, M. Griffiths [1996] предлагает список из шести «универсальных» критериев аддикций, куда включает: сверхценность, изменения настроения, рост толерантности, симптомы отмены, конфликт с окружающими или собой, рецидив. Но как минимум четыре из них – сверхценность, рост толерантности, симптомы отмены и рецидив – практически неприменимы ввиду объективно высокой значимости интернета в жизни современного человека и его необходимости для решения повседневных задач.

Одна из первых попыток разработки специфических диагностических критериев интернет-зависимости была предпринята I. Goldberg [Goldberg, 1996], взявшим за основу модель химических зависимостей и выделявшим семь групп признаков: толерантность (I), абстинентный синдром (II), трудности произвольного контроля интернет-поведения (III, IV), рост вложений времени и финансовых средств в сферу пользования интернетом или компьютером (V), изменение сферы интересов в сторону деятельности, связанной с интернетом (VI), пользование интернетом вопреки осознаваемой и связанной с этим дезадаптацией (VII). Как мы видим, эти критерии полностью отвечают «универсальным» критериям аддикций. Они хорошо подходят для оценки химических аддикций, гемблинга, игровой зависимости, однако перечисленные объекты зависимостей не являются обязательными, тогда как отказ от пользования интернетом сам по себе может стать причиной дезадаптации. Ввиду этого представляется нецелесообразным ставить интернет-зависимость в один ряд с патологическим гемблингом, игровой зависимостью и тем более с химическими зависимостями. Обыденное и повсеместное использование потенциального объекта зависимости ставит задачу определения индивидуальных норм интернет-поведения, а также конкретных ненормативных типов интернет-поведения (например, создание фейковых личностей, кибербуллинг и т. п.).

Следующая попытка разработки критериев интернет-зависимости была предпринята К. Янг [Young, 1996]. Основываясь на существовавших маркерах патологического гемблинга, она предложила список из восьми критериев, направленных на оценку сходных проявлений: навязчивых мыслей о пользовании интернетом, использования интернета для получения удовольствия (в том числе как средство избегания проблем), безуспешных попыток контролировать или ограничивать пользование интернетом, лжи о времени, проводимом онлайн, негативных переживаний вне интернета и различных проявлений дезадаптации, причиной которых стал интернет.

В другой, более поздней модели М. Н. Orzack [1999] предлагает следующие (сгруппированные нами. – *Авт.*) показатели: 1) положительные эмоции в ходе пользования интернетом: удовольствие, облегчение, волнение; 2) негативные эмоции и переживания при невозможности получить доступ к интернету: тревога, злость, подавленность, ощущение потери контроля;

3) чрезмерная потребность в использовании компьютера или интернета, в том числе навязчивые мысли, невозможность контролировать время пользования интернетом, увеличение времени на пользование интернетом; 4) избегающее поведение: игнорирование своих обязанностей, интернет выступает как средство ухода от проблем; 5) дезадаптация вследствие пользования интернетом: утрата социальных связей, проблемы со здоровьем, финансовые и иные трудности; 6) ложь о времени, затрачиваемом на пользование интернетом или компьютером, а также о деятельности в интернете.

Критерии М. Н. Orzack и К. Янг практически не отличаются между собой, их можно назвать более «психологическими», и они лишены существенных недостатков критериев I. Goldberg – необходимости длительного наблюдения, сложности количественной оценки, а также теоретического противоречия между понятиями химических и нехимических зависимостей.

На основе критериев К. Янг был разработан «Тест интернет-зависимости К. Янг» в адаптации В. А. Лоскутовой (Буровой), который на сегодняшний день является наиболее часто используемым методом определения интернет-зависимости [Войскунский, 2009]. Однако данная методика характеризуется целым рядом недостатков. Так, например, англоязычная версия Internet Addiction Test [IAT; Young, 1998], по оценкам ряда исследователей, приводит к гипердиагностике [Малыгин и др., 2011], характеризуется низкой валидностью [Gray et al., 2007] и внутренней согласованностью [Dowling, Quirk, 2009]. Русскоязычная версия в адаптации В. А. Лоскутовой также вызывает вопросы. В частности, крайне сомнительна обоснованность двукратного увеличения количества пунктов в сравнении с оригинальной методикой К. Янг, отсутствие описательных статистик, факторной структуры и данных о внутренней согласованности методики, а также несоответствие минимальных и максимальных оценок по методике из ее описания (20–100 баллов) фактической структуре опросника из 40 вопросов с 5-балльной оценкой пунктов (40–200 баллов).

Помимо нее, также стоит отметить русскоязычную адаптацию методики «Тест интернет-зависимости Чен» [Интернет-зависимое поведение ... , 2011], состоящей из 26 пунктов, сгруппированных в пять шкал: 1) компульсивных симптомов; 2) симптомов отмены; 3) толерантности; 4) внутриличностных проблем и проблем со здоровьем; 5) управления временем. Данная методика также не лишена своих недостатков: выделение пяти шкал было субъективным, сведения о факторной структуре отсутствуют, анализ надежности проводился только для субшкал, но не для всей методики в целом, для валидации шкалы была привлечена малая выборка (50 человек).

Похожая ситуация наблюдается с третьей методикой – «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости» [Юрьева, Больбот, 2006], включающей 11 пунктов и предлагающей оценить частоту интернет-зависимого поведения по шкале от 1 до 4 баллов. Однако нам не удалось найти информацию о внутренней согласованности шкалы, ее психометрических характеристиках и выборке стандартизации, что также ставит ее под сомнение.

Следует отметить, что итоговые показатели всех трех методик хорошо коррелируют между собой, что говорит в пользу вывода об их пригодности для оценки интернет-зависимого поведения. Это было показано в исследовании А. Е. Войскунского [Диагностика зависимости от ... , 2015], где на двух независимых выборках школьников ($n = 70$) и студентов ($n = 92$) были получены корреляции результатов методики Янг – Лоскутовой с опросниками Чен и Юрьевой – Больбот в промежутке 0,6–0,8 (табл. 1.). Такой результат говорит в пользу конструктивной валидности методик, однако не исключает сомнений насчет содержательной характеристики интернет-зависимости и ее поведенческих проявлений.

Таблица 1

Корреляции между шкалами интернет-зависимости

Школьники \ Студенты	Янг – Лоскутова	Чен	Юрьева – Больбот
Янг – Лоскутова		0,788	0,663
Чен	0,636		0,842
Юрьева – Больбот	0,769	0,584	

Содержательная интерпретация русскоязычной адаптации методики К. Янг сталкивается с рядом сложностей. Во-первых, в методике Янг – Лоскутовой в 9 вопросах конкретизируется устройство выхода в интернет (компьютер), тогда как современный пользователь преимущественно пользуется мобильными средствами. Как следствие, существенно снижается ценность пунктов № 32 «Бывает ли так, что Ваши пальцы устают от работы на клавиатуре или от щелканья кнопкой мыши?» и № 34 «Был ли у Вас хоть раз «синдром карпального канала» (онемение и боли в кисти руки)?», которые в современных реалиях скорее характеризуют игроков в компьютерные игры. Поскольку в настоящее время зависимости от компьютерных игр и интернета дифференцируются, использование этих пунктов выглядит неуместным.

Во-вторых, некоторые формулировки являются анахроничными. Так, например, пункт № 7 «Проверяете электронную почту раньше, чем сделаете что-то другое, более необходимое?» не учитывает появление и доминирование социальных сетей, вследствие чего электронная почта отошла на второй план. В пункте № 27 «Качаете ли Вы файлы с сайтов с порнографическим содержанием?» не учитывается вышедшее на первый план использование онлайн-сервисов для просмотра видеоконтента.

В-третьих, некоторые пункты (например, № 10 «Блокируете беспокоящие мысли о Вашей реальной жизни мыслями об интернете?» или № 25 «Проводите ли Вы в сети больше 3 часов в день?») не берут в расчет, что интернет является привычным повседневным средством коммуникации современных молодых людей, а присутствие в сети интернет – важным элементом социализации. Ввиду этого интернет сам по себе не может рассматриваться как средство избегания реальной жизни, и формулировка должна была бы конкретизировать такое средство (например, социальные сети и т. п.).

Таким образом, до 50 % пунктов шкалы Янг – Лоскутовой сомнительны ввиду несоответствия их формулировок современным реалиям использо-

вания сети интернет. В свою очередь, несостоятельность значительного числа пунктов говорит о снижении конструктивной валидности методики и невозможности ее дальнейшего использования. Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости пересмотра критериев интернет-зависимого поведения, а также методологического инструментария для изучения интернет-зависимости.

Разработка критериев интернет-зависимого поведения

Говорить об аддиктивном характере интернет-пользования имеет смысл с момента, когда личность стремится к изменению своего состояния (в первую очередь эмоционального) посредством избегания реальности в Сети. Однако в современном обществе постоянное нахождение онлайн уже стало нормой жизни, из-за чего аддиктивное и неаддиктивное интернет-пользование становится значительно труднее дифференцировать друг от друга. По данным маркетинговых исследований, среднестатистический пользователь проводит в интернете 116 минут, а современные подростки – до 9 часов, из которых 30 % времени приходится на общение в социальных сетях; при этом примерно 60 % времени пользователи находятся в Сети с мобильных устройств [MMR, 2017]. Это означает, что само по себе время пользования интернетом уже не может считаться критерием интернет-зависимости, иначе мы должны были бы признать, что ей подвержено подавляющее число современных пользователей. Подобная ситуация наблюдается и с увеличением времени пользования интернетом как критерием усиления зависимости – невозможно оценить, является ли увеличение времени, проводимого в интернете, следствием собственно зависимости или все большей интеграции интернета в повседневную жизнь человека.

По мнению R. A. Davis, «здоровые» пользователи интернета способны дифференцировать реальное и виртуальное общение, используют его как средство достижения своих целей, но не как способ удовлетворения потребностей или построения идентичности [Davis, 2001]. Но что более важно, он предлагает отказаться от оценки объективных показателей интернет-зависимого поведения (время пользования и т. п.) и ориентироваться на личностное отношение индивида к интернету, его собственную оценку степени зависимости. В рамках предложенной им же когнитивно-бихевиоральной модели (рис.) R. A. Davis выделяет два фактора – генерализованное и специфическое патологическое интернет-пользование, которые в совокупности обуславливают наблюдаемую симптоматику расстройства.

Ориентируясь на данную модель, теоретические представления M. H. Orzack [1999], К. Янг [Young, 1996] и С. Gregory [2018], мы предложили ряд критериев интернет-зависимого поведения с учетом доступных современному человеку способов выхода в интернет (стационарный ПК либо мобильное устройство) и основных видов активности в Сети (интернет-серфинг, пользование социальными сетями, интернет-постинг и др.):

1) *сверхценность* интернета, вследствие чего пользование им теряет инструментальный характер и становится самоцелью;

2) чрезмерно высокая *интенсивность* пользования интернетом *в ущерб другим видам активности*: реальному общению, гигиене, работе, учебе и т. п.;

3) невозможность или *осложненность субъективного контроля* за временем, проводимым онлайн, субъективно осознаваемая необходимость сокращения времени пользования интернетом;

4) аналог синдрома *отмены* – переживание негативных эмоций при депривации потребности находиться в интернете;

5) *проблемное* пользование интернетом, выражающееся в проявлении специфических соматических симптомов, конфликтов с близкими и окружающими;

6) интернет-пользование как средство получения удовольствия, *стресс-копинговая* стратегия или способ «модификации» личности посредством социальных сетей.

Рис. Когнитивно-бихевиоральная модель патологического интернет-пользования

Данные критерии, с одной стороны, позволяют систематизировать поведенческие проявления интернет-зависимого поведения, тогда как с другой – направлены на оценку неадекватных установок по отношению к интернету.

Мы рассматриваем разработанные критерии как первый шаг на пути к созданию новой методики оценки интернет-зависимого поведения, ориентированной на подтверждение его двухфакторной структуры в соответствии с моделью R. A. Davis.

Заключение

С момента появления понятия интернет-зависимости и разработки методик, направленных на его оценку, реалии интернет-пользования существенно изменились – в современном обществе интернет-коммуникации занимают все более и более важное место, что существенно отражается на образе жизни и привычках людей. К настоящему моменту большая часть русскоязычных методик, направленных на оценку интернет-зависимости, устарели. В первую очередь это касается опросника К. Янг в адаптации В. А. Лоскутовой, внушительная часть пунктов которого, как мы показали в статье, утратила свое диагностическое значение.

Войскунский А. Е. Интернет-зависимость в медицинской парадигме. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития. М.: Акрополь, 2009. С. 152–164.

Диагностика зависимости от интернета: сравнение методических средств / А. Е. Войскунский, О. В. Митина, А. А. Гусейнова, Н. Э. Рустамова // Мед. психология в России. 2015. № 4 (33). С. 1–10.

Инфографика: сколько времени пользователи проводят в социальных сетях [Электронный ресурс] // MMR, 4 апр. 2017 URL: http://mmr.ua/show/infografika_skolyko_vremeni_my_provodim_v_sotssetyah (дата обращения: 21.10.2018).

Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики / В. Л. Малыгин [и др.]. М.: МГМСУ, 2011. 32 с.

Юрѳева Л. Н., Болѳбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.

Davis R. A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // *Computers in Human Behavior*. 2001. Vol. 17(2). P. 187–195. [https://doi.org/10.1016/S0747-5632\(00\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0747-5632(00)00041-8)

Dowling N. A., Quirk K. L. Screening for Internet dependence: do the proposed diagnostic criteria differentiate normal from dependent Internet use? // *Cyberpsychol. Behavior*. 2009. Vol. 12(1). P. 21–27. <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0162>.

Goldberg I. Internet addiction disorder // *CyberPsychol. Behavior*. 1996. Vol. 3(4). P. 403–412.

Gray H. M., Gray K., Wegner D. M. Dimensions of mind perception // *Science*. 2007. Vol. 315(5812). P. 619. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1134475>

Gregory C. Internet Addiction Disorder [Electronic resource] // PSYCOM. May 15, 2018. URL: <https://www.psycom.net/iadcriteria.html> (date of access: 23.08.2018)

Griffiths M. D. Behavioural addictions: An issue for everybody? // *Journal of Workplace Learning*. 1996. Vol. 8(3). P. 19–25.

Orzack M. N. How to recognize and treat computer addictions // *Directions*. 1999. Vol. 9(2). P. 13–20.

Young K. S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // *CyberPsychol. Behavior*. 1998. Vol. 1(3). P. 237–244. <https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>

Young K. S. Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype // *Psychological Reports*. 1996. Vol. 79(3). Pt. 1. P. 899–902. <https://doi.org/10.2466/pr0.1996.79.3.899>

ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics: 6C51 Gaming disorder. 2018 [Electronic resource]. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en/#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fentify%2f1448597234> (date of access: 22.08.2018)

Current Status of the Problem of Measuring Internet Addicted Behavior

A. P. Karabanov, D. M. Sharkovsky

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The present study is the first theoretical stage of developing the method of measuring Internet addicted behavior. The question of measuring Internet addicted behavior has been raised, general understanding of Internet addiction and evaluation criteria of this disorder have been considered. The authors compared the most popular techniques for Internet addiction assessment and concluded that they were of low efficiency. A brief informative analysis has been provided for the most frequently used method of assessment of Internet addiction, which has led to the conclusion that terms and behavioral indicators used for disorder assessment are out of date. The authors discussed the idea of a new method of Internet addiction assessment

based on R.A. Davis's two-factor model. The authors suggested the criteria of Internet addicted behavior taking into account specificity of modern Internet use and basic types of Internet activity.

Keywords: Internet addiction, Internet, addiction.

For citation: Karabanov A. P., Sharkovsky D. M. Current Status of the Problem of Measuring Internet Addicted Behavior. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2018, vol. 26, pp. 53-62. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.26.53> (in Russian)

References

Vojskuns'kiy A.E. *Internet-zavisimost' v meditsinskoj paradigme. Internet-zavisimost': psihologicheskaya priroda i dinamika razvitiya* [Internet addiction in the medical paradigm. Internet addiction: psychological nature and dynamics of progression]. Moscow, Akropol' Publ., 2009, pp. 152–164. (In Russian)

Vojskuns'kiy A. E., Mitina O.V., Gusejnova A.A., Rustamova N.Eh. Diagnostika zavisimosti ot interneta: sravnenie metodicheskikh sredstv [Diagnosis of Internet Addiction: comparison of methodological tools]. *Meditsinskaya psihologiya v Rossii [Medical psychology in Russia]*, 2015, vol. 33(4), pp. 1-10. (In Russian)

Infografika: skolko vremeni polzovateli provodyat v socialnyh setyah [Infographics: how many time do internet-users spend in social networks]. *MMR*, 04 april 2017. Available at: http://mmr.ua/show/infografika_skolyko_vremeni_my_provodim_v_sotssetyah (date of access: 21.10.2018). (In Russian)

Malygin V.L. [et. al]. *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki* [Internet-addicted behavior. Diagnostic criteria and methods]. Moscow, MGMSU Publ., 2011, 32 p. (In Russian)

Yur'eva L.N., Bol'bot T.Yu. *Komp'yuternaya zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika* [Computer addiction: formation, diagnostics, correction and prevention]. Dnepropetrovsk, Porogi Publ., 2006. 196 p. (In Russian)

Davis R. A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 2001, vol. 17(2), pp. 187-195. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0747-5632\(00\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0747-5632(00)00041-8)

Dowling N.A., Quirk K.L. Screening for Internet dependence: do the proposed diagnostic criteria differentiate normal from dependent Internet use? *Cyberpsychol. Behavior*, 2009, vol. 12(1), pp. 21-27. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0162>

Goldberg I. Internet addiction disorder. *CyberPsychol. Behavior*, 1996, vol. 3(4), pp. 403-412.

Gray H.M., Gray K., Wegner D.M. Dimensions of mind perception. *Science*, 2007, vol. 315(5812), p. 619. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1134475>

Gregory C. Internet Addiction Disorder. *PSYCOM*. May 15, 2018. Available at: <https://www.psycom.net/iadcriteria.html> (date of access: 23.08.2018)

Griffiths M.D. Behavioural addictions: An issue for everybody? *Journal of Workplace Learning*, 1996, vol. 8(3), pp. 19-25.

Orzack M.N. How to recognize and treat computer addictions. *Directions*, 1999, vol. 9(2), pp. 13-20.

Young K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychol. Behavior*, 1998, vol. 1(3), pp. 237-244. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>

Young K.S. Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype. *Psychological Reports*, 1996, vol. 7(3), pt. 1, pp. 899-902. <https://doi.org/10.2466/pr0.1996.79.3.899>

ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics: 6C51 Gaming disorder. 2018. Available at: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fent%2f1448597234> (date of access: 22.08.2018)

Карabanов Артем Петрович

преподаватель, кафедра дифференциальной
психологии и психофизиологии
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6
e-mail: pacaraban01@gmail.com

Karabanov Artem Petrovich

Lecturer, Department of Differential
Psychology and Psychophysiology
Russian State University for Humanities
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993,
Russian Federation
e-mail: pacaraban01@gmail.com

Шарковский Давид Михайлович

студент
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6
e-mail: loup.di.steppa@gmail.com

Sharkovsky David Mikhailovich

Student
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993,
Russian Federation
e-mail: loup.di.steppa@gmail.com

Дата поступления: 19.11.2018

Received: November, 19, 2018